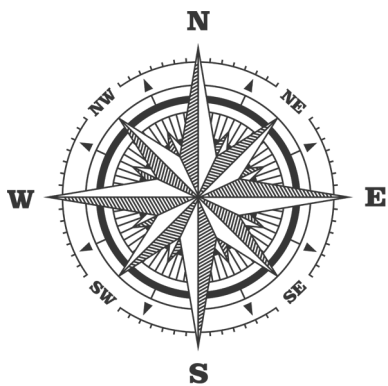

Коллекция классики. Лондон

ДЖЕК ЛОНДОН

СЕВЕРНЫЕ РАССКАЗЫ

Москва
2021

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л76

Перевод с английского

Дизайн макета *Екатерины Тинмей*

Художественное оформление переплета *Яны Паламарчук*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
© solarseven, walik savitsky, igorrita / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

В дизайне книги использованы элементы оформления:
© Barmaleeva / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лондон, Джек.

Л76 Северные рассказы : [перевод с английского] /
Джек Лондон. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-119568-7

В книгу «Северные рассказы» вошли два сборника Джека Лондона — «Сын Волка» и «Бог его отцов». Это суровые произведения о суровых людях, которые по разным причинам оказались в снегах Аляски. Кто-то из них поддался «золотой лихорадке», кто-то был обманут, а кто-то — рожден в этих негостеприимных местах.

В своих «Северных рассказах» Джек Лондон рассказывает об индейцах и белых, которые оказались на одной территории и теперь должны существовать вместе. Автор показывает разные культуры, но в них обеих есть представление о чести и долге, достоинстве и порядочности.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-119568-7

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

СЫН ВОЛКА

БЕЛОЕ МОЛЧАНИЕ

– Кармен не протянет, пожалуй, и пары дней. – Мэйсон выплюнул ледышку и с сожалением посмотрел на собаку. Потом снова взял ее лапу в рот, продолжая обкусывать намерзший меж пальцами лед.

– Никогда, знаешь, я не видал, чтобы собака с благородным именем была на что-нибудь годна!.. – сказал он, кончая это занятие и отбрасывая животное в сторону. – Они все какие-то чахлые идохнут от слишком развитого чувства ответственности. Разве заболевают собаки с простенькими именами, вроде Кассияр, Сиваш или Хёски? Вот посмотри на Шукума, – он...

Тррах! Скелетообразный зверь сделал страшный прыжок, и его белые зубы промелькнули у самой глотки Мэйсона.

– А-а, чтоб тебя... – Затрещина по уху, удар кнута – и животное уже лежало в снегу, слабо взвизгивая, а желтая пена бежала у него изо рта. – Так вот я говорю: Шукум, сам-то он как будто еле волочит ноги, а вот увидишь, он съест эту Кармен. Не пройдет и недели, как съест.

– А у меня предложение как раз обратное, – отвечал Мельмут Кид, поворачивая замерзший хлеб, поставленный к огню. – Давайте-ка съедим лучше Шукума, пока он еще чего-нибудь не предпринял. Что ты скажешь на это, Руфь?

Индеанка поставила кофе на обломок льда и перевела глаза с Мельмута Кида на мужа и потом на собак. Она не сказала ничего. Все это были чересчур явные трюизмы¹, и говорить не стоило. Впереди двести миль непрерывного пути с жалким шестидневным запасом для них самих, а для собак – ничего. А другого выхода нет. Двое мужчин и женщина сгрудились у огня и принялись за еду. Собаки лежали в упряжке – это была дневная передышка – и с жадностью следили за каждым проглатываемым куском.

– Сегодня последний завтрак, больше не будет, – сказал Мельмут Кид. – И я вам скажу, держите ухо востро с собаками, они становятся подозрительными. Что им стоит, в самом деле, при удобном случае перервать кому-нибудь глотку?

– А я был когда-то председателем в Эйварее и преподавал в воскресной школе!.. – Выпалив это, Мэйсон погрузился в задумчивое созерцание своих дымящихся мокасин и очнулся только тогда, когда Руфь поставила перед ним кружку чая. – Вот хорошо, что у нас еще есть кирпичный чай! А я ведь видел, как он растет, там, в Теннесси². Что бы я дал сейчас за горячий кусок пирога! Не беда, Руфь: больше ты голодать не будешь. И мокасин носить тоже не будешь.

Женщина просияла при этих словах, и в глазах ее заструилась и поплыла большая любовь к белому господину – первому белому человеку, какого она знала, и первому человеку вообще, который относился

---

¹ Т р ю и з м – очевидная, всем известная истина.

² Т е н н е с с и – юго-восточный штат центральной полосы США.

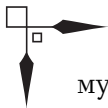
к ней – женщине – несколько лучше, чем к вьючному животному.

– Да, Руфь, – продолжал ее муж, переходя на тот невообразимый жаргон, на котором они только и могли объясняться между собою. – Погоди только, пока мы это все обделаем! Мы отправимся тогда По Ту Сторону. Мы возьмем лодку Белого Человека и поедем на Большую Соленую Воду. Да, скверная вода, тяжелая вода – целые горы, – вверх и вниз, вверх и вниз – все время. И такая большущая, и такая длинная... Очень далеко. Ты десять раз ляжешь спать, и двадцать раз ляжешь спать, и сорок раз ляжешь спать (для наглядности он подсчитывал по пальцам). И все время вода, скверная вода. А потом мы приезжаем в большую деревню. Народу тьма – вот как москитов в прошлое лето. А вигвамы... о, какие высокие вигвамы – десять елок, двадцать елок... Ха-йу?

Он беспомощно остановился, бросив умоляющий взгляд на Мельмута Кида. Потом, на языке знаков, добросовестно подытожил двадцать елок – точка в точку. Мельмут Кид улыбался немного насмешливо, а у Руфи глаза стали совсем широкие от изумления и удовольствия. Ей показалось даже, что он шутит, и такая снисходительность особенно радовала ее бедное женское сердце.

– А потом ты влезаешь – ну в коробку – и поехала! – Для иллюстрации он подбросил кверху свою пустую кружку и, ловко поймав ее, продолжал: – Пфф! Приехала вниз! О, великие ученые люди! Ты едешь в Форт-Юкон, я еду в Северный город – двадцать пять ночей и длинный шнурок между нами – все время шнурок. Я беру шнурок и говорю: «Алло, Руфь! Как вы там поживаете?», а ты говоришь: «Это мой милый

муж?» А я говорю: «Да». А ты говоришь: «Не могу испечь хлеба, соды нет». А я говорю: «Посмотри-ка в шкафчике, под мукой». А потом – «до свиданья». Ты смотришь в шкафчик и находишь массу соды. И все время ты – в Форт-Юконе, я – в Северном городе!

Руфь так непосредственно проявила свое восхищение этой волшебной историей, что оба мужчины расхохотались. Собачий рев сразу обрезал все чудеса По Ту Сторону, и, пока удалось разнять визжащих и рычащих псов, женщина снарядила сани, и все было готово к отъезду.

– Пшли! Черти! Хи-и! Пшли же! – Мэйсон заработал кнутом и, когда собаки налегли в упряжку, сдвинул сани, подпирая их шестом. Руфь последовала со второй упряжкой, оставляя с последней Мельмута Кида, который помог ей сдвинуться. Сильный и грубый, способный свалить быка ударом кулака, Мельмут Кид не мог привыкнуть бить измученных собак и всячески старался ободрять их, что погонщики делают весьма редко. Он даже чуть не заплакал...

– Ну-ну! Пойдем, пойдем, бедные вы, колченогие бестии! – бормотал он после нескольких неудачных попыток самому сдвинуть сани. И в конце концов терпение его было вознаграждено, и с кряхтеньем и оханьем они торопились догонять товарищей.

Разговоров больше не было: напряженная работа не допускала такой роскоши. Ибо из всех смертельно тяжелых работ северные переезды – самая тяжелая. Счастлив тот, кто может проделать свой дневной путь по наезженной дороге, хотя бы и ценой молчания!

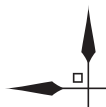
Ибо из всех изнуряющих работ самая тяжелая – пробивать след по снегу. На каждом шагу тяжелые плетеные лыжи проваливаются так, что снег прихо-

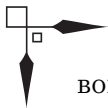

дится на уровне колен. Теперь вверх, совершенно перпендикулярно вверх, так как уклонение на один дюйм в сторону грозит целой катастрофой: лыжа должна быть поднята до самой поверхности, ни за что не зацепившись. Теперь вперед, то есть вниз, и другая нога с осторожностью поднимается перпендикулярно на расстоянии полуярда¹. Всякий, кто в первый раз пробует такой способ передвижения – если ему даже посчастливится благополучно вынести из опасности лыжи и не растянуться самому при неверном шаге, – через какую-нибудь сотню ярдов совершенно выбьется из сил. И всякий, кто вынесет целый дневной переезд наравне с собаками, залезает на ночь в свой меховой мешок столь довольный собой и гордый, что и словами не рассказать. А тот, кто может сделать переезд в двадцать ночевок, несомненно, достоин зависти богов.

Послеобеденное время тоже прошло с тою серьезностью и почти жутью в душе, какая рождается в Белом Молчании, – безмолвные путники тянули свою ляжку. У природы много различных способов убедить человека в его смертности и ничтожестве – безостановочное движение моря, бешеная сила бури, толчки землетрясений, долгие перекааты небесной артиллерии, но самым поразительным – поражающим до отупения – является воздействие Белого Молчания. Всякое движение остановилось, небо безоблачно и точно вылило из свинца; малейший шепот кажется святотатством, и человек становится робким и пугается звука собственного голоса. Он – единственный знак жизни среди призрачной пустыни этого мерт-

¹ Ярд = 3 фута = 0,9144 м.

вого мира, и он пугается своей дерзости и чувствует себя несчастным червяком – ничем больше.

Так тянулся день. В одном месте река делала крутую петлю, и Мэйсон захотел для сокращения пути пересечь перешеек. Но собаки не могли взять высокий берег. Один раз, другой – и, хотя Руфь и Мельмут Кид подпирали сани, собаки не брали. Тогда налегли из последних сил. Несчастные звери, ослабевшие от голода, старались как могли. Еще, еще – и сани вскарабкались по крутому подъему. Но передняя собака забрала слишком вправо и запутала в веревки лыжи Мэйсона. Результат был самый плачевный: Мэйсон был сбит с ног, одна из собак упала, и сани поползли вниз, таща все за собою.

Тррр! – бешено заходил длинный кнут по спинам собак, полоснув ту, которая упала.

– Нельзя, Мэйсон! – вмешался Мельмут Кид. – Несчастные бестии и так едва волочат ноги. Подожди, я припрягу своих.

Услышав последние слова, Мэйсон удержал на мгновение кнут, но потом пустил еще раз его змеиные кольца по телу неудачницы. Кармен – это была Кармен – жалобно взвыла, зарылась на мгновение в снег, а потом упала на бок, вытянув ноги.

Это был трагический момент: околевающая собака и неминуемая ссора между двумя товарищами. Руфь переводила умоляющий взгляд с одного на другого. Но Мельмут Кид сдержал себя, хотя глаза его явно выражали неодобрение, и, нагнувшись над собакой, перерезал веревки. Ни слова не было сказано. Пришлось впрягать двойную упряжку в каждые из саней, и препятствие осталось позади. Сани тронулись, и околевающая собака тащилась позади

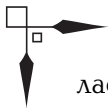
всех. Пока животное может передвигать ноги, его не пристреливают. Это последняя милость – тащиться вместе со своими, сколько хватит сил, в надежде на кусок мяса, если только людям посчастливится убить оленя.

Уже раскаиваясь в своем поступке, но слишком упрямый, чтобы признаться в этом, Мэйсон шел впереди каравана, нимало не подозревая, что новая опасность висела над его головой. Шагах в пятидесяти от их дороги возвышалась могучая ель. Целые столетия она стояла здесь, и целые столетия судьба уготовливала ей этот конец. Быть может, готовила она его также и для Мэйсона.

Он остановился, чтобы подтянуть развязавшийся ремень сапога. Сани стали, и собаки, едва дыша, легли в снег. Тишина была жуткая. Ни малейшее дыхание не шевелило убранного ином лесом. Холод и молчание иной жизни, иных пространств убили душу и сомкнули уста испуганной природы. В воздухе задрожал вздох – они даже не услышали его, а скорее ощутили, как предчувствие движения в застывшей пустоте. И гигантское дерево, сломленное тяжестью снега и своих бесконечных лет, в последний раз сыграло свою роль в трагедии жизни. Человек услышал предостерегающий хруст и хотел отскочить, но было уже поздно – удар пришелся ему по плечу.

Внезапная опасность, близкая смерть – как часто Мельмут Кид стоял с ними лицом к лицу! Иглы ели еще не перестали дрожать, как он уже отдал свои короткие приказания и схватился за дело. Голос индейки тоже не дрогнул в праздных столах и жалобах, что непременно случилось бы с большинством ее белых сестер. По его приказу она броси-

лась всей тяжестью своего тела на сымпровизированный¹ рычаг, стараясь уменьшить тяжесть дерева и прислушиваясь к стонам мужа, в то время как Мельмут Кид атаковал дерево топором. Сталь как-то весело звенела, въедаась в замерзший ствол, и каждый удар сопровождался прерывистым вздохом работающего – «Ху! Ху!».

Наконец Киду удалось освободить из снега то жалкое нечто, что было еще недавно человеком. Но еще страшнее страданий его товарища была тупая мука на лице женщины, ее взгляд, взгляд ничего не видящий, полный надежды и безнадежного вопроса. Не много было сказано. Все, кто с севера, с детства учатся понимать тщету слов и безмерную ценность действий. При температуре в шестьдесят пять ниже нуля человек не может пролежать долго в снегу и остаться в живых. Поэтому сани разгрузили, и несчастный, завернутый в меха, был положен на кучу ветвей. Перед ним развели костер – из того же дерева, которое погубило его. Позади лежащего и отчасти над ним был устроен отражающий экран из брезента, он собирал лучи тепла и направлял их на больного – штука, какую знают все изучавшие физику на деле.

Люди, которые делят свое ложе со смертью, хорошо знают, когда прозвучит призыв. Мэйсон был страшно изувечен. Это было ясно из самого поверхностного осмотра. Его правая рука, нога, а также и спина были переломаны, и все члены были парализованы; не менее тяжки были и внутренние повреждения. Только по стонам – редким и тихим – можно было заключить, что он еще жив.

---

¹ Сделанный наскоро.

Надежды не было. И нечего было делать. Жесточайшая ночь длилась – хорошая доза безнадежного стоицизма¹ индейской расы – для Руфи, а для Мельмута Кида – новые глубокие борозды по бронзовому лицу. В конце концов, Мэйсон страдал меньше всех: он уносился в Восточный Теннесси, в Великие Дымящиеся Горы, вновь переживая свое детство и юность. И самым волнующим были обрывки песен давно забытого родного юга, – когда он бредил о плавучих западнях, об охоте на выдру, о набегах за арбузами.

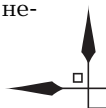
Для Руфи это был непонятный язык, но Кид понимал и переживал все – так переживал, как только может переживать человек, на целые годы выброшенный из всего, что называется цивилизацией.

Утро привело в сознание умирающего, и Мельмут Кид наклонился к нему совсем близко, чтобы уловить его шепот.

– Помнишь ты, как мы собирались в Танана, четыре года будет, когда тронется лед... Я не очень-то думал о ней тогда. А ведь она была больше для меня, чем хорошенькая, и был во всем этом... да, такой привкус восхищения, что ли. Знаешь, я только потом ее раскусил. Она была мне хорошей женой, Кид. Всегда плечо к плечу в трудную минуту. А уж что до переездов, сам знаешь, такую другую не найдешь. Ты помнишь, как она стреляла там, на Оленьих Порогах, чтобы дать время тебе и мне спуститься со скалы? Пули свистели по воде как град, помнишь? А когда мы все голодали в Нулкукието? А когда был ледоход, а она бежала

---

¹ Стоицизм (стойки – философы Древней Греции и Рима) в общепринятом смысле – твердость, стойкость в неспасительных ситуациях.

через реку за новостями? Да, она была мне хорошей женой, лучше, чем та, другая... Никогда не говорил тебе, да? Один-то раз пробовал говорить, помнишь, в Штатах? Потому же я и сюда попал. Мы выросли вместе. Я уехал, чтобы был предлог для развода. Она так и сделала.

Но все это не касается Руфи. Я надеялся все ликвидировать к будущему году и уехать на родину вместе с ней – но теперь поздно. Не отсылай ее, Кид, к ее племени. Для женщины чертовски тяжело возвращаться к своим. Ты подумай: почти четыре года на наших бобах и на нашем сале, и муке, и сушеных фруктах – и вернуться на рыбу и на карibu¹. Ей будет очень тяжело: узнать нашу жизнь и наше обхождение, увидеть, что лучше, чем у своих, и в конце концов вернуться к ним. Позаботься о ней, Кид. И почему бы тебе... Впрочем, ты ведь их боишься всегда... Да и ты не говорил мне ни разу, почему ты-то попал сюда. Будь с ней добрее, Кид, и отошли ее в Штаты, как только сможешь поскорее. Только устрой все так, чтобы она могла вернуться к своим, если захочет, если у ней, знаешь ли, вдруг сделается тоска по родине.

И насчет малыша... Он нас очень сроднил, Кид. Надеюсь только, что мальчик. Ты подумай – моя кровь! Его нельзя оставить расти здесь. А если девочка? Почему бы и нет... Продай мои меха; за них получишь, на худой конец, пять тысяч, и столько же еще мне должна Компания. Соедини мои деньги с твоими и пусти все вместе в оборот. Мне кажется, что спрос повышается. И ты позаботься, чтобы он получил хорошее образование. И главное, Кид, это прежде все-

---

¹ Канадский северный олень.

го, пусть он не возвращается сюда. Эта страна не для белых людей.

Я – человек конченный, Кид. Три-четыре ночи самое большее. Ты говоришь, что не хочешь уезжать. Но вы должны ехать! Ты помни, ведь это моя жена, мой мальчик... Господи, только бы мальчик! Ты не можешь оставаться со мной. Я требую, я, умирающий, требую, чтобы ты ехал.

– Дай мне три дня, – просил Мельмут Кид. – Тебе, может быть, станет лучше; все как-нибудь переменится...

– Нет.

– Только три дня.

– Вы должны ехать.

– Два дня.

– Кид, ради моей жены и ради моего ребенка. Ты не должен просить.

– Один день.

– Нет, нет! Я требую...

– Только один день. Можем же мы пожертвовать одним днем. Мы как-нибудь сэкономим на провианте. А я, может быть, набреду на оленя.

– Нет, а впрочем, хорошо: один день пусть, но ни минутки дольше. И еще, Кид, не оставляй – ну, не оставляй меня одного. Раз – и готово. Один раз дотронуться до курка. Ты понимаешь? Подумай! Подумай только! Плоть от моей плоти – а я его никогда не увижу. Пошли сюда Руфь. Я хочу попрощаться с ней и сказать, что она должна думать о мальчике и не ждать, пока я тут буду умирать. А то она, пожалуй, откажется ехать с тобой, если я не скажу. Прощай, старина, прощай. Кид, еще. Вот что, поройся около спуска. Я на-

